

*Посвящается моей маме,
сильной и жизнестойкой*

Ну что тут сделаешь? Полдень, солнце в зените. Подожду, пока свет смягчится. Сейчас ничего хорошего не получится. В полдень нет полутонов, оттенков, игры теней. Лучшее время — когда день клонится к закату, свет понемногу меркнет, наступают сумерки. Так что ухожу. Но на прощанье я еще раз полюбовалась танцующими девочками: они кружатся в легких белых платяцах и похожи на ожившие цветы среди яркой зеленой травы парка.

А я как раз успею вернуться в замок, положу фотоаппарат и присоединюсь к своим: скоро обед, а в два часа снова начнутся занятия.

Бегом на третий этаж по невероятно крутой лестнице, которую терпеть не могу, распахнула дверь, и я у себя в спальне, которую делю еще с тремя девочками. Сара спит на нижней кровати подо мной, а на другой, тоже двойной, две ужасные зануды. У меня с ними ничего общего, кроме спальни. Я бережно убираю в шкаф мой «роллейфлекс нью стандарт», невероятный подарок Пингвина, как зовут у нас в пансионе мужа нашей начальницы.

В пансионе я живу и учусь вот уже девять месяцев. Вообще-то фотоаппарат мне не подарили, а, так сказать, предоставили во временное пользование.

Пингвин заметил, как мне нравится фотографировать, и поручил заниматься фотолабораторией. Он решил, что у меня «получается», а начальнице сказал: «У нее острый глаз, она видит не так, как другие девочки». Впервые в жизни взрослый человек заметил во мне какие-то достоинства. В школе

я считалась серой посредственностью, а среди взрослых мной интересовались только мама с папой.

Пингвин, похоже, нашел во мне что-то и доверил фотоаппарат, свое последнее приобретение, дав при этом миллион указаний и строго-настрого приказав держать его подальше от пыли. Пингвин — дяденька не без странностей. Он обожает фотоаппараты и все, какие купил, выложил в застекленном шкафу в общем зале. Но это не просто коллекция — каждым он снимал, каждый был связан с особым периодом в его жизни. Благодаря дальномерной «лейке-3» с объективом «саммар 2/50» он ухитрился фотографировать резвящуюся малышню в дальнем конце парка, «покет кодак» позволил ему заняться пейзажами, уводящими за горизонт, а «люмьер нада», заряженный сверхчувствительной пленкой, дал возможность поохотиться за ускользящими мгновениями лунной ночи. Фотоаппаратов было целых двадцать восемь штук, и самому старому не меньше лет пятидесяти. Пингвин показал мне их все, объяснил, как они действуют, рассказал, что умеют. А еще он описал священнодействие в темной комнате, когда фотографии печатают. Но война, как я поняла, помешала ему заниматься любимым делом.

Война длится уже третий год. Пингвин пошел в армию добровольцем. Несколько месяцев провел в плену, а потом его отпустили. Сколько ему лет, я точно не знаю, но наверняка он старше моего отца. Он уже не призывного возраста. На войне навидался, как люди мучаются, и в лагере для военнопленных тоже. Пингвин обронил об этом несколько скупых слов, когда мы с ним вместе следили, как в ванночке с проявителем понемногу проступают на бумаге картины увиденной им войны. Пингвин работал санитаром, ухаживал за ранеными, совсем молоденькими парнишками, старался облегчить последние дни умирающим. Снаряд попал в его санитарный пункт, и его тоже ранило. В голову. По счастью, рана оказалась не опас-

ной, и он вскоре смог вернуться к нормальной жизни. Если такую жизнь можно назвать нормальной...

Две недели тому назад, когда мы с ним шли работать в темную комнату, он сказал, что ночами видит, как будто наяву, палату умирающих, в ней лежат ребята, совсем мальчишки, им больно и страшно. В памяти многое смешалось, но их он видит и никак не может забыть.

Фотография уже не занимает в его жизни места, какое занимала до войны. Думаю, в последние годы Пингвин запомнил слишком много страшных картин и они заслонили ему окошко видеоискателя. Сейчас ему не до снимков, вот почему он взял и отдал мне свой «роллей» самой последней модели.

Лабораторией и выставкой фотоаппаратов в знаменитом стеклянном шкафу я заинтересовалась, наверное, месяца через три после моего поступления в пансион. Пингвин впервые меня окликнул, когда я с любопытством разглядывала фотки, каких никогда еще в жизни не видела. Он спросил, разбираюсь ли я хоть немного в фотографии, а потом рассказал о камере-обскуре Леонардо да Винчи — светонепроницаемом ящике, ставшем прародителем фотоаппарата. Ею пользовался еще один художник, Каналетто, наделяя перспективой пейзажи Венеции. Рассказал о первых негативах Ньепса¹, о дагеротипах, которые, по его мнению, в корне изменили представление о реальности, рассказал об Эдисоне², Альбере Кане³

¹ Ньепс, Жозеф Нисефор (1765–1833) — французский изобретатель, получивший первые фотографии с помощью камеры-обскуры. Первая в мире фотография «Накрытый стол» была получена в 1822 г.

² Эдисон, Томас Алва (1847–1931) — американский изобретатель, получивший 1094 патента в США и около 3000 патентов в других странах. Изобрел фонограф, усовершенствовал телеграф, телефон, киноаппаратуру, электрическую лампу накаливания.

³ Кан, Альбер (1860–1940) — французский банкир и филантроп, создатель «Архива планеты», собравший за двадцать два года 72 тыс. цветных фотографий и 183 тыс. метров киноплёнки.

и других великих людях. Я до этого о них даже не слышала. Пингвин так интересно рассказывал, что я сама не заметила, как увлеклась фотографией. Вот тогда-то он и вручил мне фотоаппарат.

Больше всего мне нравится снимать людей в движении. И еще схватывать разные выражения лиц, но не какие-то особенные, а, наоборот, самые обыкновенные. Я не гонюсь за сенсацией, я думаю совсем о другом: мне интересны мгновения, пылинки жизни, что вспыхивают вдруг в солнечном луче, когда ты постоянно настороже.

От Пингвина я узнала только самое необходимое: он мне показал, как обращаться с фотоаппаратом, и только. Хочет, чтобы дальше я двигалась сама, не боялась искать, пробовать. Я и не боюсь, ищу, пробую, а теперь просто заболела чудесами, какие творит на закате солнце. Пингвин даже назвал меня одержимой. Он, бывает, надо мной посмеивается, как будто с досадой, но я знаю: он мной гордится. «Уверена, что все сама изобрела», — сказал он обо мне жене-директорше в столовой, но так, чтобы я тоже услышала. И я почувствовала: моя самоуверенность ему по душе. Он тоже был таким в юности. Сам однажды со смехом признался.

У меня теперь новая привычка: я постоянно начеку, готова мгновенно щелкнуть, чтобы на пленке осталась неожиданная житейская черточка. Но в то же время я могу очень долго и терпеливо ждать нужного кадра и только тогда нажать на спуск. У меня обострилось зрение, я вглядываюсь в бегущие мгновения и останавливаю их фотоаппаратом. Одноклассники, учителя, повара, эконом перестали обращать на меня внимание. Они привыкли, что я всегда хожу с «роллеем» на плече или смотрю вниз, в его видоискатель.

Я и правда повсюду брожу с камерой 6×6, держу ее обеими руками перед собой и смотрю на все только сквозь видоискатель. Весь мир в верхнем объективе на уровне груди,

и я решаю, остановить мгновение, нажав на спуск, или позволить лететь дальше, потому что нужный час, нужный миг еще не настал.

Пингвин передал мне свою страсть, и, думаю, ему стало спокойнее и даже легче, потому что во мне словно бы воскресла частичка его самого, растоптанная подлой войной.

В стеклянном шкафу с бесценными фотоаппаратами лежат еще километры пленки, которые мы понемногу наматываем на кассеты, химические реактивы, необходимые для проявки и печати, фотобумага. И вот от этого своего шкафа Пингвин мне вдруг отдает ключ. Когда он мне его протянул, я с ходу ему нахамила. Оттого что растрогалась и смутилась. Но вообще-то у нас с ним такая игра. Я нагло отвечаю, а он грозно хмурится. А в тот раз я ему заявила: видно, понадобилось пыль в шкафу языком вылизывать, если он, такой добренький, отдает мне ключ. Пингвину, я знаю, моя дерзость нравится. Он только делает вид, что сердится, а на самом деле смеется. Ему по душе не те, что лебезят, а те, что за словом в карман не лезут. Он как-то сказал, что у меня язык как бритва и нахальства тоже не занимать, и прибавил: «Вот это-то и хорошо». Сказал однажды, но я запомнила. Мужу начальницы волей-неволей приходится быть строже, чем хотелось бы. Теперь я лучше узнала Пингвина, у нас иногда бывают откровенные разговоры в лаборатории, да и словесные перепалки тоже помогают кое-что понять друг про друга.

Я, например, поняла, что он человек веселый, любит пошутить и посмеяться. А еще я поняла, что он прямо-таки взвизывается из-за любой несправедливости. В пансионе говорят, что он ярый синдикалист¹ и верит, что мир непременно изменится и все богатства будут служить общему благу. Ребята за его спиной посмеиваются над его идеалами, но это не ме-

¹ Человек, считающий, что профсоюзы установят справедливый общественный порядок.

шает им восхищаться. Еще бы, такой стойкий борец! С тех пор как Пингвин вернулся с фронта, он ведет дела с организациями, от которых зависит существование Дома детей в Севре. Городское начальство отпускает деньги на школу-пансион, и синдикалист Пингвин отчитывается перед ним, помалкивая о своих убеждениях и подпольной борьбе, к которой, похоже, причастен не только он, но и его жена. К своей работе он относится очень ответственно и всячески бережет школу от конфликтов и политики. Но я знаю точно, хоть он мне никогда об этом не говорил: он участвует в Соппротивлении, и весь его профсоюз тоже. Я догадалась по умолчаниям и недомолвкам. Наша лаборатория — место особое, там в темноте можно разглядеть истину. Там возникают особые отношения, и я поняла, что Пингвин очень много работает и за стенами школы тоже. Он мирный человек и на время войны ушел в тень. Для фотографа тень — условие света. Так что Пингвин по-прежнему фотограф, хоть и не берет в руки фотоаппарат. А теперь он знает, что с моей помощью мгновения будут снова останавливаться, и для него это важно. Он может спокойно делать свою работу на войне, уверенный, что мои глаза, моя страсть вылавливать картинки ничего не упустят.

Я нашла Сару и Жанно в столовой, они что-то горячо обсуждали. Оказывается, Петен¹ на днях провел новый закон о евреях. У них отнимают еще одну возможность жить по-человечески. «Тревожный знак», — утверждает Сара. Как я, как многие другие ученики пансиона, Сара — еврейка. Родители поместили ее в Дом детей, зная, что здесь мы будем под защитой, нас не обидят, нас не будут сторониться. Родители привезли ее и исчезли. От моих тоже никаких вестей месяц за месяцем. Но я об этом не говорю, гоню от себя зловещие мысли, потому что знаю: дашь им волю, и ты погибла. Я запретила себе любую слабость, потому что боюсь живущего во мне страха. И еще я очень голодная, мне почти все время хочется есть. Мне кажется, голод тоже поддерживает желание выжить. Он тоже требует не давать слабину и держаться. Держаться с достоинством. А сейчас я считаю необходимым вклиниться

¹ Петен, Филипп (1856–1951) — главнокомандующий французской армией во время Первой мировой войны, заслужил прозвище Верденский лев, получил звание маршала, пользовался огромной популярностью. После разгрома Франции во Второй мировой войне возглавил правительство коллаборационистского «Французского государства» со столицей в Виши, которое управляло южной частью Франции, так называемой свободной зоной, тогда как северная ее часть была оккупирована немцами. В ноябре 1942 г. гитлеровская Германия оккупировала всю территорию Франции, так что роль французского правительства стала чисто номинальной. Антисемитские законы Петен поддерживал, однако поначалу противился депортации евреев, имеющих французское гражданство.

в разговор и немедленно поделиться с Жанно и Сарой тем, что видела сегодня утром, когда заглянула за куст азалий в безуспешном поиске тени, чтобы сделать хоть несколько снимков.

За кустом сидели и спорили Морис с Марианной. Очень яростно, я видела. Они явно ссорились, и вдруг Морис наклонился и поцеловал Марианну! А она мало того что не возражала, она так к нему и прильнула и получила второй поцелуй...

Я собиралась еще много чего порассказать об этой парочке, лишь бы хоть ненадолго отвлечь Сару. Готова была и присочинить что-нибудь, лишь бы она не говорила больше о новом гнусном законе.

— А Марианна ведь клялась, что близко не подойдет к этому павлину, но, похоже, она...

Друзья мигом поменяли тему разговора и занялись моими новостями, продолжая уписывать пюре из брюквы. Мы выскребли тарелки дочиста, до самой последней капельки. О добавке нечего и думать. Трудные пришли времена, так сказал нам уже несколько месяцев назад наш эконо. Он и повариха выкручиваются как могут, колдуя с очистками, но возможности их не беспредельны, и наши животы задают концерты, порой даже весьма громкие, хотя сами мы никогда не жалуемся. Разве изредка какой-нибудь новичок или кто-то из малышей.

Без пяти два мы втроем отправляемся в синюю комнату на классное собрание, нам нужно согласовать расписание на неделю. Скажу сразу: Дом детей — не обычный пансион. Да, это школа с учителями для старших и младших, с начальницей и ее мужем во главе, но на школу она похожа мало. Ученики здесь сами организуют свои занятия. Учителя не объясняют новый материал, а учат общаться с книгами, задавать вопросы, наблюдать за звездами и птицами, замечать, какие облака на небе. Здесь нет уроков математики, истории, французского. Ученики сами отправляются на поиски того, что хо-

тели бы узнать об окружающем мире. Они готовят доклады для своих товарищей, клеят макеты, рисуют географические карты. Они пишут статьи в школьную газету, которая называется «На всех парусах». И сами набирают свою газету, потому что у нас есть печатный станок. Ученики сами решают, как наказать того, кто мешает работать группе. Они могут вынести наказание даже преподавателю, если он злоупотребил своим положением взрослого. Потому что у нас Детская республика. В этой школе учатся пантомиме, актерскому мастерству, лепке, шитью, плетению...

Наша школа — центр новейшей педагогики, построенной на идеях Френе¹, Декроли² и Монтессори³, великих мыслителей и педагогов. Я, само собой, понятия о них не имела, но начальница нам объяснила, откуда взялись методы нашей школы. Некоторым родителям, отдавшим своих детей в пансион, они казались не просто странными, но даже опасными. В Доме детей воплощают в жизнь теории великих педагогов, мечтавших, чтобы люди стали счастливее, и наша начальница очень этим гордится. Она яростно отстаивает новые методы, если чьи-то родители высказывают пожелание, чтобы детей растили по старым добрым правилам, прошедшим проверку временем. Я слышала от нашего эконома, что Министерство национального образования критически относится к Дому детей и не одобряет непривычной педагогики. Инспекторы находят, что нам дают слишком много свободы, а совместное

¹ Френе, Селестен (1896–1966) — французский педагог, противник книжно-вербального обучения, создал принципиально иную школу — школу Интересных Дел.

² Декроли, Жан Овидий (1871–1932) — бельгийский педагог, психолог, врач, работавший поначалу с неполноценными детьми, разработал методику их успешного обучения.

³ Монтессори, Мария (1870–1952) — итальянский педагог, врач, ученый, философ. Создала педагогическую систему, основанную на идее свободного воспитания.

обучение мальчиков и девочек представляет опасность для нравственности. Но их мнение, судя по тому, как нас учат, ничуть не пугает нашу начальницу Чайку, которая любит делать все по-своему и обожает лететь против ветра.

Почти год тому назад и я оказалась в этом особом мире и до сих пор не верю сама себе: до того здесь все непривычно. Мне пришлось нелегко, когда я училась в школе в Париже, особенно в начальных классах. Учителя были мной недовольны: слишком много болтаю, несобранна, бестолкова. Меня считали бездарной тупицей. Тетради пестрели обидными замечаниями, выведенными красными чернилами: «Грязь! Очень плохо! Хуже некуда!»

А здесь никто не писал и не говорил мне ничего подобного.

В этой школе каждый сам отвечал за то, что взялся делать. А сделанная работа подталкивала к работе остальных. Поначалу я очень растерялась. Мне и в голову не приходило, что моя работа может кого-то заинтересовать, для меня это было совершенно новым ощущением. Но во мне и теперь иногда просыпается старое: я упрямлюсь, бунтую, огрызаюсь. Хотя тут вообще нет начальства в том смысле, в каком мы привыкли в обычной школе. Нет учителей, которые требовали бы тишины и изводили унизительными замечаниями. Нет учительниц, которые вечно придираются. Когда я только сюда поступила, новые порядки показались мне настолько необычными, что я просто в них не поверила. Ждала от взрослых подвоха, возмущалась, обвиняла их в том, что они надо мной издеваются, не дают почувствовать себя личностью. Такого я никому никогда не говорила. И не могла бы сказать. Мне понадобилось время, чтобы понять: я возмущаюсь и негодую, потому что ко мне пришло чувство свободы, за мои взрывы мне потом стало стыдно, я была собой недовольна. Мне захотелось найти в этой школе свое место. Я очень много работа-

ла, а нашим учительницам потом сделала портреты, сфотографировав их в парке. Понемногу все вошло в свою колею. А когда я стала школьным фотографом, у меня появилось собственное дело, и благодаря ему я почувствовала себя сильной и независимой.

У нас в пансионе богатейшая библиотека, книги любые, какие хочешь, и старые, и новые. Библиотекарша — по прозвищу Пчелка — царица у себя в улье, учит оробевших новичков, дает совет любознательным, ободряет нерешительных, отчитывает бездельников, если те пришли просто поболтать, спрятавшись за книжным шкафом. Может, она и суровая по характеру, но мне она нравится. Сколько же она знает! Как большинство моих соучеников, я долгими часами сижу в библиотеке, роюсь в книгах, делаю выписки. А Пчелка с неиссякаемым терпением оборачивает прозрачной бумагой книги и так же неустанно наблюдает за нами, сидящими за столами, готовая прийти на помощь трудяге и налететь на болтуна. Я незаметно несколько раз ее сфотографировала: вот она смотрит перед собой, сдвинув брови; вот протянула руку кому-то из учеников.

Порядок в библиотеке идеальный, и выглядит это помещение лучше всех других в замке. Не видно облупленных стен, всюду только книги и книги. На полу восточный ковер, значит, ни треснувших, ни выломанных паркетин не видно. Наверняка и под ним зияют дыры, но о них никто не догадывается. Деревянные столы и деревянные стулья хорошо подходят друг к другу, а во всех остальных комнатах мебель собрана с бору по сосенке. В общем, библиотека — единственное достойное замка место, все остальное у нас более или менее починено, более или менее подкрашено, более или менее прилажено, более или менее приспособлено, более или менее удобно. Мрачнее всего кухня, ее, видно, не трогали со времен Средневековья: пол там земляной, кастрюли висят по стенам где придется, сковородами, похоже, дрались — такие на них

вмятины, дверцы в шкафах не закрываются, полки в кладовке изъедены жучком.

Замок выглядит замком только с фасада, а внутри, за исключением библиотеки, это обветшалый старый домище, где и посмотреть-то давным-давно не на что.

Я оглянуться не успела, как стала ответственной еще и за фотоклуб. У Пингвина я быстро научилась перематывать в полной темноте 35-миллиметровую пленку с большой бобины на кассеты, проявлять ее и даже печатать фотографии. Я понимаю, что пока я только в начале пути и мне предстоит еще многому научиться, но веду я свой клуб с воодушевлением. Мне хочется передать ребятам все, что успела узнать сама. Прошло немного времени, и появились страстные любители помогать мне в лаборатории. И с фотокамерой ребята тоже понемногу осваиваются. Я приготовила доклад о фотографии, и на него пришли не только младшие ученики, но и старшие, а я воспользовалась случаем и показала им работы великих фотографов, которые открыла для себя, пока копалась в разных книгах: «Скрипку Энгра» Ман Рэя¹, «Оптическую параболу» Мануэля Альвареса Браво², удивительнейшие снимки Эдварда Уэстона...³

Обожаю искать, находить и делиться своими находками. Когда я погасила проектор и зажгла свет, ребята мне заапло-

¹ Ман Рэй (1890–1976) — французский и американский художник, фотограф, кинорежиссер. Один из главных представителей сюрреалистической фотографии и фотографии Нового видения.

² Альварес Браво, Мануэль (1902–2002) — мексиканский фотограф, выставлялся с сюрреалистами, сотрудничал с кинорежиссерами — Эйзенштейном, Бунюэлем, Дж. Фордом. Первым использовал в работе рентгеновские снимки.

³ Уэстон, Эдвард (1886–1958) — американский фотограф, его творчество стало значительнейшим явлением в фотоискусстве. Умел видеть необычность обычных вещей, придавал им неожиданный вид и глубокий смысл.

дировали, а Пингвин, который ни за что на свете не пропустил бы моего доклада (это он сам мне так сказал), взял слово и назвал мое сообщение замечательным исследованием. А я вспомнила, что до приезда в Севр, в наш Дом детей, меня в школе считали тупицей и почему зря писали в дневник обидные замечания. Помню, в какую ярость впадал папа, он просто из себя выходил, читая их красные чернила. Думаю, замечания ранили его даже больше, чем меня. Считать его умницу-разумницу принцессу тупой бездарностью!..

После доклада Пингвин и вовсе предоставил меня самой себе. Он сказал, что учиться лучше всего на собственных пробах и ошибках. И меня, когда я стала печатать фотографии, поджидал не один неприятный сюрприз — они получались то слишком темными, то слишком светлыми, то почти слепыми, то с какими-то пятнами на лицах... Но я верила: все ошибки мне на пользу. Я не отступала. Привыкла считать шаги в темноте и уже не натыкалась на стену или на бутылки с реактивами, каждое мое движение стало скрупулезным и точным. Я проводила в лаборатории жутко много времени. Во всяком случае, так считали Жанно и Сара, потому что им надоедало меня ждать.

За девять месяцев я много чему научилась. И работала без усталости, так что мне все чаще удавалось прожить день без страха, загнав его глубоко внутрь. Он возвращался ко мне только вечером. Я же не идиотка. Война никуда не делась, она идет по-прежнему, и вот уже четыре месяца от мамы с папой ни строчки. А слухи ходят, что на евреев устраивают облавы, а потом их отправляют в трудовые лагеря в Германию. Пингвин иногда рассказывает мне в темноте о том, что услышал где-то там, за стенами школы. Он не подозревает, каких усилий мне стоит при этом не разреветься.

И как же я себя ругаю!.. За свою беспечность. За свой эгоизм. «Мадемуазель Сердитка», — называла меня мама. Она надо мной посмеивалась, но так любовно, так ласково. Мама, мамочка...

Не надо об этом думать. Не надо вспоминать ее голос и тот последний поцелуй в щеку. Не надо вспоминать, как я сказала ей тогда «до свидания», торопя про себя их с папой уход. Стоит начать вспоминать, и я не выдержу, я же знаю, я чувствую... Но я не забыла свой первый день в пансионе. Мама с папой привезли меня сюда и сказали, что здесь я буду в безопасности, что в эти нелегкие времена им спокойнее, когда я здесь, а не с ними. Помню, как я впервые увидела замок, а до этого видела только небольшие квартирки в небольших старых домах квартала Маре, неподалеку от площади Республики. Мне тогда показалось, что я вхожу в мир «роскоши и безмятежной неги», как у Бодлера¹. Но ветхость обстановки и скудная еда в скором времени вернули меня на землю. Помню знакомство с начальницей, ее смешную шляпку и нарочито суровое лицо. Потом меня отправили смотреть спальню. Чайка подчеркнула: «У нас спальни, а не дортуары». «Мы живем здесь и учимся, — прибавила она, — школа немного необычная, это правда, но у нас вовсе не как в летних лагерях отдыха, у нас Дом детей, и ты будешь у себя дома». И так она это сказала, что я почувствовала: у сухой и суровой на вид Чайки доброе сердце. Помню, как я обрадовалась огромному парку и столетним дубам. В Париже возле школы росли четыре тощие липы и стояла деревянная будка — туалет, двери в нем не запирались и были слишком короткими, так что из-под них виднелись ноги. Я ненавидела эти туалеты, холодные и у всех на виду. Вместе с папой, мамой и начальницей мы пошли осматривать парк, я увидела на траве под деревьями ребят, они прыгали, играли, танцевали, и тогда я почувствовала: мне здесь нравится, война и смерть далеко отсюда. Чайка объясняла родителям особенности своей педагогики, но я видела, мама ее не слушает, и только теперь поняла почему. Помню,

¹ Стихотворение французского поэта Ш. Бодлера (1821–1867) «Приглашение к путешествию».

как я прощалась с родителями, мне хотелось, чтобы они поскорее меня отпустили, а они крепко-крепко прижимали меня к себе. И я тоже только теперь понимаю почему. Они боялись, что больше ко мне не вернуться. Они уже знали, как больно терять близких. А я была так нетерпелива, так беспечна, я не понимала, что они прощались со мной, возможно, навсегда. Я тогда ничего не понимала и с облегчением вздохнула, когда они наконец ушли.

Лучше бы мне забыть наше расставание, день приезда и все, что было до него. Забыть и безоглядно жить новой жизнью, не давая воли гневу и обиде на весь свет: на войну, на молчание мамы с папой. Я не хочу поддаваться безнадежности и отчаянию. Тоску нужно затолкать поглубже и охотиться, охотиться за снимками, и — кто знает? — может быть, один из них сделает меня знаменитой. Потому что да, я мечтаю стать великим репортером и странствовать по всему миру. Хочу побывать на полюсе среди льдов, как Поль-Эмиль Виктор¹, который приезжал к нам в школу и читал лекцию. Хочу в Америку, чтобы посмотреть, как делают автомобили на заводе, а потом сфотографировать рабочих, как фотографируют американцы. Я чувствую в себе жилку путешественницы и надеюсь, что в будущем обязательно стану великим фотографом, журналисткой, писательницей, в общем, не самой обычной женщиной. Женщиной, которая всегда будет стремиться вперед, никогда не отступит, не побежит, которой будет неведом страх, эта мучительная до тошноты тревога, которая подкрадывается ко мне по ночам. И я представляю себе замечательный день, когда встречу с мамой и папой и сфотографирую их... Это будут самые потрясающие портреты, лучшие из всех, какие я когда-нибудь сделаю.

¹ Виктор, Поль-Эмиль (1907–1995) — французский ученый, этнограф, полярный исследователь и открыватель. Писатель и публицист.